

B O A R D O F S T U D I E S
NEW SOUTH WALES

**День с Германом
ТИТОВЫМ
(A Day with German Titov)**

**Reproduction of the short story A Day with German Titov for use by
teachers with the Russian Background Speakers Stage 6 Syllabus**

Every effort has been made to contact all copyright owners. The Board of Studies NSW apologises if it has inadvertently used material in which copyright resides. For acknowledgement in future editions please contact the copyright officer at the Board of Studies NSW.

The Board of Studies NSW recognises that, to the best of our knowledge, copyright resides with the author.

© The author, U Nagibin, 1974.

Published by
Board of Studies NSW
GPO Box 5300
Sydney NSW 2001
Australia

Tel: (02) 9367 8111

Internet: <http://www.boardofstudies.nsw.edu.au>

May 2001

2001248

День с Германом Титовым

Герман Степанович Титов – один из самых ярких людей, с какими сводила меня щедрая жизнь. Бывают же такие счастливо одаренные натуры! Блестящий летчик и спортсмен, он пишет стихи и прозу, выразительно декламирует, прекрасно разбирается в музыке, сам поет и заразительно лихо пляшет. При этом он всегда заряжен на размышление, на умственный обмен, и просто удивительно, как легко переходит из одного состояния в другое: от безудержного веселья к серьезности принципиального спора, от крепкой шутки к грусти воспоминаний. В книге Ю. Гагарина и В. Лебедева «Психология и космос» сказано, что Титов – холерик. Насколько я понимаю, высокая душевная подвижность и способность мгновенно воспламеняться лежат в существе этого темперамента. Кстати, сам Гагарин – типичный сангвиник.

Я провел с Титовым какой-то непомерный день. Время – величина непостоянная, может растягиваться и сжиматься в зависимости от наполнения. Я не заметил тогда, как промелькнул хмурый мартовский денек в Звездном городке, а сейчас мне не верится, что все бывшее там и впрямь уместилось в одном дне. Честное слово, я прожил долгую жизнь в нарядной, красивой, какой-то стерильной - уровень опрятности – квартире Германа Степановича, где друзья-космонавты, щадя труд его чистюли-жены Тамары, оставляют ботинки и сапоги в прихожей и ступают в шерстяных вязаных носках на светлый, натертый до зеркальной гладкости дубовый паркет.

Приехал я к Титову в связи с предполагавшейся постановкой большого художественного фильма о Юрии Гагарине. Эту дерзкую мысль вынашивала киностудия имени Горького, а мне предстояло писать сценарий.

– Что вас интересует? – спросил Титов.

– Все, – ответил я.

– Ну, если все, так слушайте, – и неожиданно включил магнитофон.

Вначале было лишь смутное бурление сильных мужских голосов, затем шум примолк, и кто-то звонко, рублено произнес тост расставания с хозяином дома.

– Это мне провода вчера устроили, – пояснил Герман Степанович. – Николаев получил назначение на место Гагарина, а я на место Андрияна. – Он коротко усмехнулся. – Продвигаемся по службе помаленьку... Мы весь наш мальчишник на пленку записали. Под старость будет что вспомнить.

Я с огромным интересом прослушал эту запись сдержанного мужского веселья с хорошими песнями и каблучной дробью, с добрыми шутками и розыгрышами, с тем подчеркнутым молодечеством, что должно прикрыть грусть, неизбежную, когда нарушаются привычные связи... Как я понял, забегал на огонек Алексей Леонов, самый веселый из звездных братьев, остальные же гости принадлежали к числу «нелетавших космонавтов». И сквозь шум застолья, музыку и песни, шутки и подначки порой прорывалась чья-то тоска о полете в неведомое – когда же придет долгожданный день?..

– Мой корабль уже строится!..

– Сказал тоже! Хорошо, если в проекте. Вот мой скоро стартует!..

Но это особая тема, за которую я не решаюсь браться...

А потом Титов читал мне свои записные книжки. Большинство записей касалось, естественно, космонавтики, но были и сжатые, острые характеристики разных людей и событий, оценки прочитанных книг, увиденных фильмов и спектаклей, отзывы на явления международной жизни. Особенно интересны записи, посвященные Гагарину. Едва ли где найдешь такую широкую и многогранную характеристику Космонавта-1, как у Германа Титова. Он открыл мне глаза на громадную общественную деятельность Гагарина. Каюсь, я воспринимал его бесчисленные поездки по белу свету как затянувшееся праздничное турне. Всем хотелось взглянуть на человека, первым вырвавшимся в мировое пространство, и Юрий Гагарин с присущим ему добродушием давал полюбоваться на себя. Какая чепуха! Ему не путешествовать, а летать хотелось, осваивать новую технику, двигаться дальше в своей трудной профессии, не терпящей остановки, застоя. Но он знал, как веско сейчас его слово, как верят ему люди, а в мире столько жгучих проблем, столько розни, жестоких противоречий, и надо делать все возможное для человеческого объединения.

Как хорошо пишет Титов о погибшем товарище! Ни тени панибратства, той дружеской развязности, на которую он, казалось бы, имел право. Он даже называет его по имени-отчеству, и это в интимных, не предназначенных для публикации записях. Необыкновенное достоинство, высота тона, глубокое уважение, сквозь которое едва уловимо, как запах осени в августовский разгар лета, проникает печаль вечной разлуки.

В утро полета они проснулись бок о бок в общем номере гостиницы космонавтов, минута в минуту открыли глаза, приподнялись, повернулись и столкнулись взглядом. Уловив марионеточную синхронность их движений, Титов со смехом сказал:

– Мы с тобой как чечеточники братья Гусаковы.

Эта синхронность оборвалась лишь на космодроме «Байканур», куда они прибыли в полном облачении космонавта. Гагарин летел, а Титов оставался.

– Тебя берегут для большего, – сказал Гагарин, прощаясь с другом. – Второй полет куда будет сложнее.

Это было сказано от доброго сердца. Гагарин не знал, насколько точно угодил в цель. Титов стал Космонавтом-2, но он оказался первым, ощутившим в полной мере космические перегрузки. За один виток Гагарин не мог их почувствовать.

Финал нашей встречи оказался обескураживающим для меня как сценариста. Я спросил, будет ли Герман Степанович поддерживать нашу картину.

– Вам откуда-то известна фраза Королева об улыбке Гагарина: мол, слетал бы не хуже и другой космонавт, но поди улыбнись так миру и людям, как это сделал Гагарин. Шутка? Нет, это очень серьезно. Не надо понимать слова Королева буквально, хотя никто не может поспорить в улыбке с Гагариным. Разве только Джоконда. Но Мона-Лиза улыбается таинственно, из мглы женской души, а он открыто, весело, нежно – нельзя не откликнуться. И весь мир – от мала до велика – улыбался в ответ Гагарину. Вы не хуже моего знаете, как искажает наш облик буржуазная пропаганда. И вот на обозрение всему свету вышел молодой советский человек из самой гущи народной, выращенный и сформированный нашим строем, нашей идеологией, и оказалось, что он прекрасен. И не нужно было никаких доказательств, все решила улыбка. В ней открылась миру наша душа, и мир был

покорен. А когда улыбка Гагарина погасла, то плакали все: и бедные и богатые, и верующие и неверующие, и белые и черные. Вы хотите сделать художественный фильм о Гагарине. Честь и хвала вашей отваге. Но понимаете ли вы, что люди слишком хорошо помнят Гагарина, несут его в себе, и если актер, предназначенный на его роль, уступит ему в обаянии, не сможет улыбнуться по-гагарински, то ваш фильм и полушки не будет стоить! Потому что принесет не выигрыш, а ущерб. И уж лучше сделать большой, обстоятельный документальный фильм, где Гагарина будет «играть» он сам. Поймите, я вам друг, но только при одном условии, если найдут улыбку Гагарина. Иначе не только я, но и все мои товарищи космонавты будут против.

Художественный фильм о Юрии Гагарине так и не запущен в производство. У нас много талантливых и обаятельных актеров, но нет гагаринской улыбки...